

МИРА ЛЕРМАН

НЕФРИТОВОЕ ОЗЕРО

18+

Сотворенные земли

Мира Лерман

Нефритовое озеро

«Автор»

2026

Лерман М.

Нефритовое озеро / М. Лерман — «Автор»,
2026 — (Сотворенные земли)

Элеонор возвращается к жизни — но вернулась ли только она? Внутри неё поселяется странный голос, а на смену смертности приходит пугающая сила. Пока Лирия учится быть королевой и выстраивает непростую дружбу со своим мужем Ролланом, которая постепенно перерастает в нечто большее, её сестра погружается в хаос. Элеонор отдаляется от Гейтана, сближается с Эриком и всё чаще не отличает свои мысли от чужих. Прошлое не отпускает, а одержимость мезтью растёт. Судьба похищенного ребёнка заставляет сестер расходиться всё дальше. У каждой — своя цена, свой путь и свои демоны. Но чтобы выжить, им придётся не только сражаться с внешними врагами, но и примириться с теми, кем они стали внутри. Без света нет тени. Без боли нет силы.

© Лерман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Лирия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мира Лерман

Нефритовое озеро

Глава 1

Лирия

Элеонор напала на меня!

Я увидела только одно движение — и сестра, секунду назад лежавшая безжизненным телом на руках *Эрика*, теперь стояла на четвереньках, рыча, как дикий зверь. Её пальцы вцепились в камни, оставляя глубокие царапины. Губы дёрнулись, обнажая клыки — длинные, острые, совсем не человеческие.

Всё настолько быстро, что я моргнуть не успела. А вытянутая рука с длинными чёрными когтями оказалась меньше чем в шаге от моего лица.

Я ощутила рывок за плечо — *Роллан* дёрнул меня на себя, пригибая, заслоняя своим телом. Так я избежала участи быть растерзанной собственной сестрой.

Сердце колотилось где-то в горле. Я затаила дыхание.

Это было страшно. На самом деле страшно. Она двигалась как молния — я никогда ещё не видела, чтобы кто-то перемещался так быстро. *Никогда*.

Не успела я задаться вопросом, как поняла: *Элеонор* уже передо мной нет. Так же быстро, как она оказалась подле меня, она оказалась лежащей на земле, придавленной телом *Эрика* к пляжной гальке.

Я не могла понять, что вижу. Её руки были словно размытые пятна — они двигались быстрее, чем я успевала следить. Когти скрежетали по камням, высекая искры.

— Она *ши!* — крикнул *Роллан*. — Все назад!

Видимо, «все» — это была я. Он затолкнул меня себе за спину, в другой его руке уже был длинный меч с гардой, сверкнувший на солнце холодной сталью.

— Нет! — я дёрнулась вперёд, но он удержал меня другой рукой — крепко, не позволяя двинуться с места.

Гейтан уже подкрадывался к брату сбоку, двигаясь бесшумно, как тень. Я не могла разобрать, что делает *Эрик* — видела только его спину, напряжённые плечи, и ноги, и руки, которые тоже расплывались, словно я пыталась рассмотреть выстрел из мушкета.

Он сражался с ней на её скорости.

В какой-то момент *Элеонор* удалось освободиться.

Я услышала глухой звук, изданный *Эриком*, — не вскрик, скорее сдавленный выдох, словно он сдерживал не то ругательство, не то рычание.

Элеонор снова слишком быстро оказалась на ногах.

Она рычала. Губы были перепачканы в крови. Кровь была и на клыках. Одна большая складка над бровями искажала её всё ещё узнаваемое лицо. Она смотрела уже на нас оценивающе.

Эрик так же быстро оказался рядом с ней. На его плече темнела рана. Она укусила его. *Гейтан* находился по другую сторону, ближе к нам с *Ролланом*. Он смотрел с тревогой, но тело его словно окаменело.

Заметив его, она снова припала к земле.

Звериный жест, не имеющий ничего общего с человеческим. Такой я уже видела однажды. У *стрыги*, перед тем как та оторвала голову *Ульи* и швырнула её к моим ногам. Так и

Элеонор. Бледная, почти синяя, чуть менее, чем когда её вытащили из воды, но всё ещё пугающая. В чёрном похоронном платье, с клыками и пепельными волосами. Когти вонзились в землю, оставляя глубокие борозды. Чужие зелёные глаза смотрели с опаской и злостью на нас четверых. Она не нападала — пока. Но это больше говорило об инстинктах, чем о здравомыслии.

Это была нежить — такая же нечистая, как *стрыга*, *никс* и *утопница*, но ещё и невероятно быстрая. Я вспомнила слова *Роллана*: иногда умершие не успокаиваются и становятся такими. Нечистыми. Неживыми. Ни мёртвыми, просто существующими и голодными. Даже *Мелантир* их боялся. *Роллан*, *Гейтан* и *Эрик* же на них охотились.

Вода с неё стекала, оставляя на камнях тёмные разводы. Мокрое похоронное платье прилипло к телу, обрисовывая каждое ребро, каждый изгиб. Пепельные мокрые волосы прилипли к её лицу. Глаза — зелёные, как нефритовая гладь, — не моргали.

— Кого мы вернули? — произнесла я тихо.

И она повернула голову на мой голос.

Это была не Элеонор.

Она вновь бросилась на меня, очевидно выбрав меня как более лёгкую жертву.

Гейтан бросился ей наперерез, но скорости не хватило. Зато хватило *Эрику*, который даже с травмированным плечом двигался слишком быстро. С быстротой змеи он оказался подле неё, дёргая за руку и заводя за спину.

Я услышала хруст и оглушительный вопль.

Её запястье повисло под неправильным углом.

— *Эрик*, нет! — закричала я, не зная, хочу ли, чтобы он её отпустил, или чтобы продолжил.

Эрик годами сражался с нечистыми и всегда выживал. *Но это же была моя сестра*.

И она продолжала вить, упав на колени. Оглянулась на меня, отреагировав на моё предупреждение, и села, поджав под себя ноги, прижимая к себе сломанное запястье.

— Она опасна! — крикнул *Эрик*, не сводя с неё взгляда. — Никому не шевелиться!

Мы и так замерли на месте. Вопль сестры перешёл в крик, а затем превратился в скулеж. *Гейтан* замер в шаге от меня, только неестественная бледность выдавала его ужас. *Роллан* сжимал моё плечо, так и не опуская меча.

А *Элеонор*... возвращённая плакала.

Эрик отступил на шаг, но не поднял оружия. Его рука, та, что была свободна, замерла в предупреждающем жесте — ладонь раскрыта, пальцы растопырены. Другой он прижимал к боку что-то — я не сразу поняла, что это. Но блеснувшее лезвие подсказало. Кинжал.

— *Элеонор*, — позвал он. Тихо. В его голосе не было страха — только осторожность, с которой подходят к раненому зверю.

Она замерла. И я затаила дыхание.

Тишина стала пугающей. Воздух застыл, ветер утих, даже волны, набегающие на берег, затаились вместе с нами.

Но в этой тишине было что-то.

Очень быстрое и глухое, почти как взмахи маленькой птички на взлёте.

Так билось сердце Элеонор.

Она подняла глаза на *Эрика*.

Лицо разгладилось. Клыки исчезли.

Только когти всё ещё впивались в камни.

Эрик держал руку поднятой вверх — одной ладонью к ней, будто дрессировщик, другая была поднята для нас.

Мокрая одежда прилипла к телу, как и волосы, которые падали на лоб, но от быстрых действий они уже не стекали и немного завивались на концах.

Он смотрел на неё безотрывно. Я даже не слышала его дыхания.

Она тоже смотрела только на него не-своими глазами. Но в них — впервые — мелькнуло что-то, кроме ярости. Растерянность? Страх?

— *Элеонор?* — повторил *Эрик*, теперь с надеждой.

Я затаила дыхание, впиваясь острыми зубами в свои губы. И плевать мне на кровь, что оказалась на языке металлическим привкусом.

Гейтан сделал шаг, и *Эрик* мигом повернулся к нему.

— Нет, на месте оставайтесь. — Голос его был резким, не терпящим возражений.

Элеонор дёрнулась, всё ещё всхлипывая и дрожа, словно от боли и ярости.

Кровь стучала в висках, я не могла даже выдохнуть, ожидая, что она сейчас вновь кинется.

Но она не кинулась. Она спряталась. Спряталась за *Эрика*.

Гейтан замер, приподняв руки вверх и больше не шевелясь, в нечеловеческой неподвижности. Они все знали, как обращаться с нечистыми, чтобы выйти из сражения живыми.

Одна я не знала, что делать. Я и не осознавала, но слёзы бежали по моему лицу, пока глаза окончательно не заволочило плотной пеленой, которую необходимо было сморгнуть.

— *Элеонор*, — с надрывом выдавила я, — пожалуйста.

Пожалуйста, что? Будь собой? Я не знала, о чём просила.

Но она посмотрела на меня вновь.

Боль и злость отражались на её лице. И страх. Но я не видела в них узнавания.

Эрик медленно присел рядом с ней, поравнявшись лицами. Она не видела, что в той руке, что заведена за спину, по-прежнему был кинжал. Одно неожиданное действие — и он прервёт её только что вернувшуюся жизнь.

— *Элеонор?* — в третий раз спросил он тихо, а затем чуть наклонил голову и почти шёпотом произнёс: — *Шива?*

В этом шёпоте было слишком много надежды.

Я оторопела.

Нет, этого же не могло быть, верно?

Я вернулась в своё тело, используя энергию души из медальона. Так должно было быть и с *Элеонор*.

Но я осознавала всё с момента, как открыла глаза. Я не пыталась убить сестру.

Может, Элеонор провела слишком много времени мёртвой. Что если она... ушла? И её место занял кто-то другой?

Я сдерживалась как могла, стискивая в руке медальон на своей шее. Такой же висел под значительно побледневшим шрамом — не раной — шрамом сестры. *Эрик* отдал ей свой. И теперь он лежал на её груди, поблёскивая в полуденном свете, касаясь ключиц, ложась на бледную кожу прямо над тем рубцом, который я зашивала своими руками.

Она глядела на *Эрика*. Не знаю, понимала ли она вообще, что он говорит, но она не нападала. Он был опасен, он травмировал её руку. Но она распрямила кисть, которая, казалось, ещё минуту назад висела в неправильном положении.

Сустав хрустнул — сухо, резко, и этот звук разнёсся по берегу, как удар хлыста.

Слёзы высохли, боль уходила, но злость никуда не девалась. Её нефритовые глаза перебежали с его лица на моё, на *Роллана* и на *Гейтана*. Выжидающе.

Она приоткрыла рот.

Вышел какой-то хрипящий звук.

— Ты меня понимаешь? — спросил *Эрик*, отделяя каждое слово. — Я не причиню тебе боль, если ты не будешь нападать.

Она рассматривала, чуть наклоняя голову на каждое его слово.

— Не-на-ть, — прокаркала она.

Голосом *Элеонор*. Только словно она не пила много недель. Или задыхалась. Или была мертва три дня.

Гейтан с шумом выдохнул. Я не могла себе позволить такую роскошь.

— Хорошо, не нападать. Это мы усвоили. — *Эрик* показал на её запястье. — Твоя рука. Ещё болит?

Его голос звучал ровно, но я почувствовала в нём что-то ещё. Сожаление, что пришлось так поступить.

Она разогнула ладонь и согнула обратно, смотря на неё. А затем поднесла ладонь к лицу, прижимая её к глазам.

Жест, который не был свойственен нечистым. Но был свойственен *Элеонор*.

— Ч-ч... гш-р... — она издавала непонятные быстрые звуки, как будто это были слова, которые я не могла отделить одно от другого. Они сливались в неразборчивую кашу, мозг не успевал её отработать.

Ещё страннее было, когда *Эрик* ответил таким же быстрым неразборчивым набором звуков. Я подняла глаза к *Роллану*, он наклонился ко мне, к самому уху.

— Она говорит как *ши*, — шепнул он едва слышно даже для меня. — Очень быстро. Мы не способны разобрать.

Но *Эрик* был способен.

Она подняла на него взгляд, лицо разгладилось.

— Ка...ждернсь.?

Как я ни старалась, я слышала только что-то похожее на стрекот сверчков.

— Кое-что произошло, — сказал *Эрик* быстро, как скороговорку, но понятно. — С тобой случилось плохое.

Я выдохнула резче, чем хотела, и снова привлекла её внимание.

— Это твоя сестра. Она не враг тебе. Как и я. — *Эрик* опустил ладонь на камень рядом с собой — пустую, безоружную. — Никто тебя не тронет. Обещаю.

Взгляд на него был пристальным. Долгим. Внимательным. Потом перевела его на меня.

— Се... — начала она.

— Для тебя всё кажется медленным, — мягко сказал он. — Но чтобы мои друзья тебя понимали, тебе нужно чуть замедлиться. Говорить медленнее.

Роллан рассказывал, что *ши* живут на других скоростных режимах и с детства учатся себя замедлять. А она была этому не обучена. Она даже не знала, кто она и что она.

Я и сама не знала.

— Сес-тра, — произнесла она, медленнее, отдельно, бросив на меня взгляд.

Я постаралась улыбнуться, но слёзы продолжали течь.

— Да, *Элеонор*, это я. *Лирия*, твоя сестра. Я здесь.

Я осторожно сделала шаг вперёд, но *Роллан* сделал его вместе со мной. Меч он, благо, опустил.

Её лицо снова стало недружелюбным, когда она перевела глаза на *Гейтана*.

— Он... смотрит. Кто? — спросила она.

У *Гейтана* словно выбили воздух одним ударом.

— *Элеонор*, — сдавленно произнёс он. Его руки, всё ещё поднятые в примиряющем жесте, дрожали.

— Он тебя тоже не обидит, — произнёс успокаивающе *Эрик*. — Помнишь? Никто не тронет, пока не тронешь ты.

Она долго следила за ним, будто решая, можно ли ему верить. Принимая тяжёлое решение — принять сторону того, кто уже доказал, что он сильнее.

На её глаза снова начали наворачиваться слёзы.

— Я н-не знаю, что происходит, — заключила она с надрывом, протягивая каждое слово. *Элеонор* коснулась своего лица, а затем спустилась по подбородку к шее.

Её зрачки расширились, когда она нащупала бугристый выступ на шее. Шрам. Мой шов. Воздух резко вышел со сдавленным всхлипом. Она вновь заплакала.

— Ч-что это?

Эрик придвинулся ближе, осторожно перехватывая её руку. Она дёрнула её назад, опасаясь, что он вновь причинит ей боль, но не вырвала.

— Я расскажу тебе, что произошло. Но тебе нужно пойти со мной. Ты мокрая, усталая и напуганная. Тебе нужно в тепло и отдохнуть.

Она плакала, поджимая губы. На лице снова начала появляться складка, клыки удлинились, и она прижала палец к ним.

Она должна сдержаться. Должна.

Я отпустила медальон и стиснула запястье *Роллана*. Он стиснул в ответ мой бок. Мы могли только наблюдать и не вмешиваться.

— Что происходит? — продолжала она причитать.

— Тебе нужно успокоиться. Твоё тело реагирует на эмоции, — спокойно, почти умиротворённо ответил *Эрик*, будто завершал сказку для засыпающего ребёнка.

Она удерживала зрительный контакт. Я видела, как она борется с собой. Как её тело — чужое, новое, непослушное — пытается подчиниться приказу, которого она не понимает.

— Я... не могу, — прошептала она. — Всё... слишком... медленно.

Она сжала голову руками, зажмурив глаза.

— Знаю, — кивнул *Эрик*. — Поэтому я буду рядом. И буду говорить медленно, задавать тебе ритм, чтобы ты не сбивалась. Это тяжело но я понимаю, я такой же, как ты.

Она замерла. Я замерла тоже. Я совсем забыла, что *Эрик* тоже был наполовину *ии*.

Элеонор медленно опустила руки. Посмотрела на него прямо, в упор. В её нефритовых глазах, полных слёз, мелькнуло что-то новое. Не узнавание — скорее вопрос.

— Такой же? — прохрипела она.

— Может, не совсем такой, но похожий, — ответил он. — Полукровка от *ии* — от твоего народа. И я тоже научился этому не сразу.

Она молчала. Только когти — длинные, чёрные — медленно втянулись обратно в подушечки пальцев, оставляя на камне тонкие, едва заметные царапины.

— Дыши со мной, — сказал *Эрик*, словно она выплывала из-под толщи воды. — Вдох. Выдох. Не быстрее, чем я.

Он положил ладонь себе на грудь — широкую, напряжённую, покрытую кровью от её укуса, но дыхание его было ровным. Она разглядывала. Ждала. Под ногой *Гейтана* заскрипела галька.

Потом её грудь поднялась. Опустилась.

Медленно.

Слишком медленно для неё — я видела, как дёргаются её плечи, как она сдерживается, чтобы не ускориться. Но она делала. Вдох. Выдох. Вдох.

Клыки втянулись. Складки на лице разгладились. Только глаза оставались незнакомыми — зелёными. Не синими. Не *Элеонор*. Вероятно, такими они и останутся.

— Хорошо, — сказал *Эрик*. — А теперь скажи мне: ты знаешь, как тебя зовут?

Она моргнула. Рассматривала свои руки — бледные, с прилипшей пляжной галькой и кровью. На медальон, который висел на шее — его медальон, тот самый, который он носил сто тридцать лет. Провела пальцами по холодному металлу.

— Э-леонор, — сказала она наконец, уже не таким хрипящим голосом.

Я едва сдержала всхлип облегчения. И в её голосе — хриплом, сломанном — я услышала её. Настоящую. Мою сестру.

— Вы назвали меня *Элеонор*.

Внутри что-то оборвалось, а она продолжала сжимать медальон. *Гейтан* рядом задохнулся, но с места не сдвинулся.

— Но ты назвал меня *Шивой*. Почему, *Эрик*?

Я оторопела вновь. Все замерли. Только вновь поднявшийся ветер теребил наши волосы и раздувал полы моего платья.

Она назвала его по имени. Услышала, как я к нему обратилась? Или вспомнила?

Эрик немного обернулся на нас, проверяя. Только глаза — тёмные, усталые — сузились, всматриваясь в наши застывшие лица. Но он не нашёл ответа на свой невысказанный вопрос в нас и снова повернул голову к ней.

— Ты меня вспомнила? — спросил он мягко.

Она нахмурилась. Зажмурилась и наморщила лоб, слегка наклоняя голову, а затем снова на него.

— Ты — *Эрик*. Я-я знаю-ю это, — протянула она. Он кивнул, медленно, осторожно. — *Эрик, Ривер*

— *сон*, — подсказал он.

Теперь кивнула она. Он издал облегчённый вздох. Я так плотно сжимала запястье *Роллана*, что в чёрной кожаной перчатке, наверное, остались следы моих ногтей. Но он этого, кажется, не замечал. Он почти и не дышал рядом. Как и *Гейтан*.

— Я расскажу, — сказал *Эрик*. — Всё расскажу, что тебе нужно знать. Но не здесь. Пойдём в тепло? — спросил он почти ласково, протягивая ей руку, медленно поднимаясь.

Она смотрела на его ладонь с настороженностью. Наверное, ещё помнила то, как этой рукой он сломал её собственную. И плечо этой же руки она прокусила.

Не подумывала ли она сделать это вновь?

— Ты сделаешь мне больно? — спросила она. Голос всё ещё был чужим, хриплым, но слова уже не распадались на части.

— Нет, — ответил он. — И никому не позволю.

Она протянула свою руку, осторожно вкладывая её в его огромную ладонь — свою маленькую, слишком бледную.

Я не могла выдохнуть. *Роллан* замер рядом, и я чувствовала, как под его кожей бешено колотится пульс. *Гейтан* стоял как каменный — ни движения, ни дыхания. Только глаза, которые смотрели на неё с такой болью, что у меня заньло под рёбрами.

Элеонор поднялась, опираясь на *Эрика*. Сделала шаг — и не упала. Второй — увереннее. Третий — почти твёрдый. И смогла отпустить его руку.

Она шла сама. Хромая, сжимая края платья, но шла.

И ни разу не обернулась.

Мы смотрели им вслед, и никто не знал, что делать дальше.

Я стояла, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как *Роллан* рядом переводит дыхание — медленно, тяжело, будто только что сам вышел из боя.

— *Ньяду*, — выдохнул он наконец. — Что это было?

Я не знала. И, кажется, никто не знал.

Гейтан стоял поодаль, у самой кромки воды, и смотрел в ту сторону, где скрылись *Эрик* и *Элеонор*. Его лицо было белым, как мел. Я подошла к нему, и только тогда заметила, как дрожат его руки.

— Ты как? — спросила я тихо.

Он не ответил сразу. Только покачал головой — медленно, будто не верил тому, что видел.

— Я не понимаю, — сказал он наконец. Голос его был глухим, чужим. — Ничего не понимаю.

— Я тоже, — ответила я.

Мы стояли рядом, глядя на пустой берег, и не знали, что ещё можно сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.